

Иероним Ясинский

Катря

Иероним Ясинский

Катря

«Public Domain»

1883

Ясинский И. И.

Катря / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1883

«Поезд остановился на пять минут. Станция – Блискавки. Пассажиров мало, никто издалека не едет. Эта ветвь железной дороги проведена сюда, чтоб вывозить хлеб, да и то зимою, а не летом. Летом кондукторы пробегают по пустым вагонам, и хорошо, если в вагоне найдётся два-три человека. Это лица знакомые, давным-давно примелькавшиеся кондукторам: еврей, помещик, поп, богатый казак, гимназист, гимназистка...»

Иероним Ясинский

Катря

Кн. А. И. Урусову

I

Поезд остановился на пять минут. Станция – Блискавки. Пассажиров мало, никто изда- лека не едет. Эта ветвь железной дороги проведена сюда, чтоб вывозить хлеб, да и то зимою, а не летом. Летом кондукторы пробегают по пустым вагонам, и хорошо, если в вагоне найдётся два-три человека. Это лица знакомые, давным-давно примелькавшиеся кондукторам: еврей, помещик, поп, богатый казак, гимназист, гимназистка. Начальник станции сидит на балкон- чике в рубашке и режется в карты. Иногда из вагона становой или кто-нибудь перекинется с ним приятельским словом. Если бы в числе пассажиров был при этом посторонний человек, *приезжий*, как выражаются здесь кондуктора, то его поразило бы, что начальник станции напо- минает своим голосом тромбон. Зычный, оглушительный голос! Но уж из местных пассажи- ров никто не удивляется ни голосу начальника станции, ни его бесцеремонности. Вместо пяти минут, положенных по расписанию, поезда в Блискавках простаивают нередко полчаса и час. Тоже никого это не удивляет, и все знают, что железнодорожные власти поджидают пассажиров из ближайших деревень. Дорога маленькая, всего сорок семь вёрст, пять сажень и три вершка с осьмою, и надо же компании получать что-нибудь с неё в летние месяцы.

Таким образом, и теперь поезд, остановившийся на пять минут, растянул этот срок почти на час, и пассажиры, как ни великодушно относились они к интересам компании, стали роп- тать.

Но обер-кондуктор начал «усоветничать» пассажиров, т. е. уверять их, что поезд сейчас тронется. Через десять минут он объявил, что поезд тронется сию секунду; через пять минут – что поезд уже трогается. Наконец, раздался сигнальный свисток, но поезд не трогался.

Тем временем по просёлочной дороге, усаженной роскошными каролинскими тополями и ровной как доска, катила коляска; серебряные гайки её колёс издали сверкали на солнце, а пыль белым облаком стлалась за нею. Начальник станции, сидя на балкончике против блед- ного, проигравшегося офицера, сейчас же узнал, чей это экипаж, и, распечатав новую колоду карт, крикнул на платформу помощнику:

– Граф Парпура!

Имя это успокоило пассажиров: стало ясно, почему так долго стоит поезд, и явилась незыблемая уверенность, что теперь стоять уж, действительно, недолго.

Граф Парпура выскочил из коляски; проведя платком по чёрным висячим усам, он снис- ходительно ответил на поклоны помощника и кондукторов и сел в вагон первого класса. Стан- ция, с резными коньками, с игрушечным балкончиком, с белыми стаканчиками телеграфных столбов, с платформами, стала уплывать от пассажиров; машина начала пыхтеть скорее и ско- рее, и, наконец, побежали по обеим сторонам зелёные луга, озёра, хутора, деревья, залитые жгучим солнцем; мерно застучали колёса вагонов.

Сидя в бархатном купе, граф сохранял некоторое время то особое выражение – отчасти тупое, отчасти горделивое – которое свойственно богатым людям, не расходуящим умствен- ной энергии на мелкие житейские заботы. Он был здоров, не стар, душа его ничем не волно- валась. Он не служил; ни чиновник, ни землец, он просто барин...

Было жарко. Граф снял панаму, и в чёрных волосах его можно было бы заметить седину. Глаза у него ещё молодые, тёмные, с влажным блеском; но вокруг глаз уже легли лёгкие корич-

невые кольца приближающейся старости. Нос прямой, толстоватый, а крупный подбородок вельможно двоился. Невысокая шея уходила в богатырские плечи, хоть ростом граф и не богатырь. Большие руки были затянуты в свежие перчатки. Вместо цепочки, вилась по летнему полотняному жилету тесёмка, запонки были костяные, бельё дорожное.

Он смотрел в окно; стекло опущено, и ветер, всегда сопровождающий поезд, дул графу в лицо. Рожь и пшеница в этом году замечательные. Но когда они бывают плохие? В их благодатных местах неурожаи невозможная вещь; разве уж град выбьет! Земля удобрения не требует. Мужик богат. «Да и паны здесь – не бедный народ, – думает граф, примечая на горизонте усадьбы местных помещиков, неизбежно украшенные пирамидальными тополями. – У каждого дом – полная чаша как в старое доброе время; в глуши, где жизнь дешёва, проживают по десяти тысяч»...

Он вынул гаванскую сигару и закурил.

В соседнем купе кто-то вздохнул. То был странный вздох. Парпура сдвинул брови, а когда вздох повторился, почувствовал безотчётную тревогу и стал прислушиваться...

Палисандровая дверца отворилась, и в купе вошла хорошенькая барышня, худенькая, белокурая, в странном, полуукраинском, полурусском наряде. В длинной золотистой косе её пестрели разноцветные ленты, грудь рубашки была расшита тончайшими узорами, в руке девушка держала букетик цветов, а на шее у неё чернелась бархатная лента с брильянтовым крестиком. Лента выделяла молочную белизну кожи. Лицо было неправильное: серо-голубые глаза далеко расставлены, тёмные красивые брови, прямой нос, тупой на конце, приметный пушок над верхней губой капризного, очаровательного рта, и на щеке родинка. Она улыбнулась, когда вошла; можно было подумать: «Довольно развязная молодая особа». Но вопросительный взгляд Парпуры смутил её, девушка покраснела.

– Прошу вас, граф, – сказала она, доставая папироску, – нет ли...

Граф догадался и молча протянул спички с любезным жестом.

Она стала нервно и неловко зажигать папиросу. Наконец, зажала, поперхнулась дымом и, возвращая спичечницу, сказала, не глядя на графа:

– Благодарю.

Уходя, она вынула из своего букетика розу, бросила её на пустое кресло и торопливо произнесла:

– Если понравится – возьмите; не хочу быть в долгу у вас.

Граф улыбнулся и взял розу.

Так это она так вздыхала? Можно было подумать, вздыхает больной, совсем больной ребёнок; между тем, на больную она не похожа. Должно быть, капризна и нетерпелива. «Она вздыхала просто от нетерпения», – решил граф и понюхал розу.

«Она меня, конечно, знает», – думал он затем – кто не знает графа Парпуру? – но он не встречал её раньше. Граф должен был признаться, что если бы он встретил её раньше хоть раз, то не забыл бы...

Тут он снова понюхал розу и, заткнув её в петличку пиджака, продолжал курить и глядеть из окна на убегающие пейзажи.

Местность степная, но когда-то здесь протекали реки, и от них остались глубокие русла, в виде бесконечных яров, поросших липовыми и ореховыми лесами. На дне блестят там и сям продолговатые озёра. Вдруг вынырнет вишнёвый садик, хуторок белеется на солнце. Или громадный дуб стоит и точно хмурится на железнодорожный поезд. Курганы выделяются на горизонте тёмными буграми. По зеленеющему склону спускается молодая казачка в пёстром венке. Увидев поезд, она останавливается и долго смотрит, приложив руку к глазам. Стада неподвижно пасутся. А вот каролинские тополи. Граф узнаёт свои владения. Они рассеяны по всему уезду, и отличительный признак их – необыкновенная благоустроенность просёлков.

Раздался свисток: новая станция – Парпуровка. Поезд остановился, граф вышел из вагона. Лакей приблизился к нему и объявил, что лошади ждут. Вышла из вагона и та девушка. Граф был убеждён, что все местные барышни мечтают о нём, потому что, в самом деле, недурно выйти за барина, у которого двести тысяч дохода. Ко всяким знакомствам он относился, вследствие этого, подозрительно. Но с другой стороны, в качестве настоящего барина, он и не пренебрегал знакомствами, ибо какое знакомство может уронить его, графа Парпуру? Только выскочки и чиновные семинаристы высокомерны, а Парпура прост. Он слегка поклонился барышне и молча указал на розу. Девушка зарделась, и, неизвестно почему, Парпура сам покраснел. Выйдя на крыльцо, он заметил, что кроме его экипажа, нет другого. Тогда он послал своего лакея на платформу к незнакомой девушке с предложением воспользоваться его экипажем. Но она отказалась. Бич захлопал, граф откинулся на подушки, и коляска покатила.

На перекрёстке, там, где аллея каролинских тополей перерезывается обыкновенною просёлочною дорогою, граф увидел молодого дворянина Тычину, в двухколёсном экипаже, усердно погоняющего белую громадную лошадь, очевидно, не привыкшую ходить в упряжке. На Тычине была военная расшлёпанная фуражка; маленькое чёрное лицо его, со свирепыми усами, пылало гневом. Граф подумал: «Уж не за той ли он барышней? Может быть, его родственница?» Обернувшись, он некоторое время с улыбкой смотрел на Тычину и его гарцующего коня, пока пыль не скрыла их из виду. После чего Парпура закурил новую сигару и перестал думать о хорошенькой незнакомке.

II

– Ну, Катря, садись! – сказал Тычина, не выпуская ремённых вожжей, туго намотанных на его длинную жилистую руку. – Прыгай скорее, а то мухи не дают покоя *Полковнику*! Он меня чуть не разнёс... Такая скотина, убей его нечистая сила!

Девушка пожала плечами.

– *Беда*? Ты всегда выдумаешь невозможный экипаж... Кто просил тебя выезжать в *беде*? Ещё и *Полковника* запряг! Вот так умный человек!

Тычина, пока говорила девушка, стоял возле лошади и смотрел из-под козырька в даль. Он был прям как палка. Короткий пиджак открывал невероятно длинные, тонкие ноги. Шея у него тоже была длинная, с некрасивым костлявым кадыком. Волосы лежали наподобие крыльев вбродна, а на загорелом лице, в глубоких впадинах, мрачно блестели тёмные глаза.

– Садись, Катря, – сказал он с угрозой, – не то сам уеду, и ты останешься одна тут... Намучился я с *Полковником*, не зли хоть ты меня!

– Не сяду я! – решительно отвечала Катря.

Всегда выходило, что, как только он возвысит голос, Катря начинает упрямиться. Попроси он ласково, пожалуй, она села бы и поехала. Но Катря не выносила угрожающего тона. Сердито прошлась она по крыльцу, стуча каблучками, и губы её были сжаты.

С другой стороны, не рассердись Катря, Тычина согласился бы, что *беда*, в данном случае, совершенно неподходящий экипаж. Но теперь он был противного мнения. Катря разнежилась, надо её проучить. Не может иначе, как в коляске или первом классе! Скажите, барыня! Он побледнел и, вскочив в *беду*, стал поворачивать лошадь.

– Оставайся же тут, – крикнул он гневно, – и пускай выезжает за тобою кто хочет, а я тебе не слуга!

Красивые глаза Катри потемнели.

– Не слуга! – спросила она. – Ну, и прочь! Поезжай один! Дура я, что не послушалась графа... Да всё равно, моё от меня не уйдёт...

Катря улыбнулась бледной улыбкой. Покинуть её нельзя: она верила в обаяние своей красоты. Другое дело, если она сама бросит. Какая-то неопределённая мысль о Парпуре слу-

жила ей точкой опоры в этой размолвке. С холодным негодованием смотрела Катря вслед удаляющемуся Тычине.

Но та же мысль о графе осенила и его. Он круто повернул коня и как сумасшедший полетел назад к станции.

– Катря, садись, прошу тебя! – сказал он ласково.

Она хотела возразить что-нибудь жёсткое, чтоб унижить Тычину и заставить его подольше попросить, но встретила безмолвный, насмешливый взгляд бабы, стоявшей всё время на дворе, и торопливо села в *беду*; конь взвился на дыбы, потом рванулся и пошёл рысью, покорствуя железной руке возницы.

Минут через двадцать, они начали спускаться в глубокий яр. Над ними висели причудливые массы красной и жёлтой глины, поросшие орешником и сорными травами. Небо ярко синело. На озере возвышался остров, сообщающийся с берегом плотиной. Издали вид был красивый. Но когда *беда* запрыгала, Катря стала проклинать плотину. Ругнулся и Тычина. Колёса ввязли в грязь.

– Я, знаешь, встану, – сказал Тычина. – Этак Полковника можно зарезать.

Девушка вопросительно посмотрела на него. Ей стало жаль, что он полезет в грязь.

– Сиди, – произнесла она.

Тычина взял у неё руку и поцеловал, а она слегка ударила зонтиком Полковника.

Они помирились. Тычина не понимал, как у него могла явиться мысль обидеть Катрю, и дивился своему вздорному характеру. Катря сердилась на себя, что упомянула о графе.

Полковник дотащил их благополучно до ворот усадьбы, и они въехали в громадный двор.

III

Тёмная зелень пирамидальных тополей и чёрная соломенная крыша составляли резкую противоположность с безукоризненно белыми стенами большого приземистого дома о двух крыльцах, увитых диким виноградом. По ту сторону дома рос сад. Множество собак, поджарых борзых, шелковистых сеттеров и толстоногих гончих, встретили молодых людей радостным лаем. Вышел мужик и принял лошадь. Катря с удовольствием подумала, что она дома, и побежала на свою половину.

В комнатах стояла духота. Рои мух жужжали в тёплом воздухе. Серебряная лампадка казалась чёрной – так они засидели её. Убранство было старосветское: гравюры в палисандровых плоских рамах, четырёхное фортепьяно, красного дерева мебель с вогнутыми спинками, большое зеркало в золочёной раме. В гостиной находилась, впрочем, дюжина современных кресел, и у многих из них уже выпадали ножки. Кабинет Тычины можно было скорее назвать птичником. От потолка до полу были протянуты по углам сети, и за ними бились и чирикали всевозможные пташки; стены увешаны арапниками, простыми и скорострельными ружьями, пороховницами и дробницами. Неизвестно, что писал дворянин Тычина и вообще писал ли когда-нибудь, но на его письменном столе красовалась тяжёлая бронзовая чернильница с крышкой, изображающей горящий факел. Мухи не успели ещё засидеть бронзу. Сияющая вещь эта вызывала чувство гордости в её обладателе. Над письменным столом висела полка с книгами по сельскому хозяйству и охоте. Книги были тоже предметом гордости Тычины: благодаря им, он считался первым хозяином и первым охотником во всём уезде.

Ещё не так давно у него было шестьсот десятин превосходнейшей земли. Он отдавал её в аренду мужикам и получал аккуратно до четырёх тысяч в год. Тогда он разъезжал по окрестным ярмаркам, слушал цыган, покупал лошадей, собак. Но теперь имение его заключается всего в ста семидесяти трёх десятинах, и по ярмаркам он не разъезжает. Зато в аренду земли не отдаёт, у него своя запашка, и он надеется, в скором времени, получать те же четыре тысячи с имения, если не больше. Как – это его тайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.